

Т.В. Сафонова

ОРГАНИЗОВАННЫЙ КУЛЬТ ПРИРОДЫ: «НОВЫЙ ТОТЕМИЗМ» И ИНСПЕКТОРСКАЯ СЛУЖБА В ЗАПОВЕДНИКЕ

Статья основана на материалах полевого исследования, которое проводилось автором в одном из заповедников страны. Основными методами исследования были включенное наблюдение и биографическое интервью. На примере инспекторской службы был проанализирован процесс профессионализации жизненного мира. Этнографическое описание заповедника как бюрократической организации (а именно, ее объектов, категорий персонала, иерархии и ресурсов) позволило обозначить позицию инспектора в данной структуре. Центральным феноменом, относящимся к внутренней профессиональной мобильности инспекторской службы, является так называемый «новый тотемизм». Под этой категорией подразумевается своеобразное служение животному, которое выбирается согласно определенной типической стратегии выстраивания профессионального мира.

Заповедники — это государственные учреждения, первые из которых были организованы около столетия назад с целью сохранения редких и особенно живописных уголков природы. Поначалу все заповедники были чисто охотничьими, созданными для сохранения ценных промысловых видов животных, таких, как соболь, бобр и др. Для них отводились обширные территории неосвоенных районов страны, а инициаторами их создания выступали различные естественно-научные общества (в частности, географические). Затем в годы советской власти заповедники перешли в ведомство Академии наук и стали, по сути, научными учреждениями, лабораториями по изучению жизни есте-

ственных сообществ*. При каждом заповеднике организовывался научный отдел, в котором проходили исследования. Поскольку заповедники невозможно было как-либо огородить, чтобы не нарушить миграций животных, была создана специальная служба охраны (инспектора заповедника), в обязанности которой входило задержание нарушителей заповедного режима. Ни в одном из вузов страны не готовят студентов по специальности «государственный инспектор заповедника», и освоение профессии происходит непосредственно в ходе практики, естественно, при поддержке более опытных работников.

Целью данного исследования было рассмотреть, как происходит построение «профессионального» жизненного мира, структурирование опыта в терминах профессионального сообщества, к которому индивид себя относит, на примере инспекторской службы (близкая постановка проблемы встречается в исследовании профессионального опыта мусорщиков в Германии [2]). Так как в фокусе исследовательского интереса находился субъективный опыт профессионалов, неструктурированное интервью и включенное наблюдение были методами, наиболее адекватными поставленным задачам. Полевое исследование проходило в одном из заповедников страны, а также на семинаре, посвященном основам заповедного дела (который проводился некоммерческой общественной организацией). Участниками были госинспектора из различных заповедников. Семинар длился более месяца, что позволило установить дружеские отношения с информантами и провести серию интервью.

Концепция профессии инспектора заповедника

Анализ каждого конкретного случая состоял из описания трех главных компонентов: заповедник (как бюрократическая организация, позиция инспектора в иерархии), приоритеты в работе (сфера специфической ответственности инспектора), биография. Главный мотив, который встречался практически во всех текстах, был мотив борьбы, выживания и риска. Профессию госинспектора можно отнести к сфере «практических азартных игр» («Praktische Glücksspiele» [3, с. 187]), в которой деятельность всегда имеет фатальные последствия, т. к. риск и опасность включены в нее непосредственно и постоянно учитываются практикующими. К профессиональным практикам подобного рода относится, например, служба в армии или полиции. К постоянному профессиональному риску (случаи вооруженного сопротивления браконьеров достаточно распространены) добавляется еще и материальная и социальная незащищенность. За последние 10 лет трактовка собственной профессиональной ответственности, по сравнению с советским периодом, коренным образом изменилась. Если раньше заповедник как бюрократическая организация работал с учреждениями, опирался на инструкции и апеллировал к авторитету государства**, то теперь всю процедуру, от подачи До оформления взыскания, полностью должен осуществить инспектор не-

* Этому периоду посвящено множество исторических и публицистических работ как отечественных, так и зарубежных авторов (см., напр., [1]).

** Например, многие заповедники предпочитали не работать непосредственно с нарушителями, а перекладывать ответственность за взыскания на другие организации, такие, как колхозы, членами которых были нарушители, что практически решало проблему взыскания нанесенного ущерба.

посредственно на месте, что, сопряжено с огромным количеством правовых деталей, которые приходится учитывать. При этом оттока специалистов из заповедников не происходит, следовательно, все участники как-то компенсируют недостатки своей профессиональной ситуации, реализуют себя на рынке, в публичной сфере или где-то еще. Различия в освоении информантами своей профессии наглядно можно видеть в том, как они овладевают профессиональным знанием, как различно трактуют исходные административные правила и создают собственные. Подобные правила иногда превращаются в некие формулы, что может свидетельствовать о рутинизации и стандартизации труда. Например, «*Задерживать, составлять и доставлять*» (имеется в виду, что инспектор должен задержать нарушителя в заповеднике, составить протокол о нарушении и доставить нарушителя в контору заповедника для выяснения личности и обстоятельств, а также решения вопроса о назначении штрафа и т. д.) или «*любые ваши действия должны идти от минимального к максимальному воздействию: первое воздействие, всегда в первую очередь вы должны представиться, "Здравствуйте, я госинспектор такой-то, такого-то заповедника"*». Выше процитированные правила являются правилами официальными, связанными с инструкциями и законами, трактовка которых однако весьма неоднозначна. Пессимизм по отношению к большинству официальных положений заключается в том, что соблюдение этих правил на практике подчас просто невозможно, во всяком случае, в чистом виде. К примеру, протокол должен быть заполнен шариковой ручкой непосредственно на месте правонарушения, но зимой на морозе ниже 25 градусов чернила замерзают, а именно в таких условиях приходится работать инспекторам. «*В нашей работе нужно знать закон. Нужно четко знать, когда ты нарушаешь закон, а когда — нет*», так инспектор действует в рамках правового поля. Но также он интегрирован в различные иные формы коллективной организации, например, локальное сообщество. Заповедники редко расположены в полностью необитаемых районах (да таких, видимо, уже и нет), и по соседству могут находиться как населенные пункты, так и хозяйственные организации (лесхозы, совхозы и т. д.). С подобным соседством часто связаны проблемы охраны территории заповедника.

Заповедник как бюрократическая организация. Позиция инспектора в иерархии

Научный отдел

Организация заповедника включает три отдела: научный, отдел охраны и эколого-просветительский.

Статус научного отдела, как правило, значительно выше всех прочих, потому что, во-первых, главная цель заповедника — это проведение естественно-научных исследований, во-вторых, в нем работают люди с высшим образованием, специалисты, ведущие исследования на базе заповедника. Весь остальной персонал должен так или иначе способствовать их работе, создавать им условия — к примеру, брать на себя организационное обеспечение экспедиций и сбора научного материала.

«Мы вот, лесная охрана, ездим там по хозяйственным делам там по этой речке, ну весной, дрова заготавливать, там имущество, мы завозим лодки. Уже

примерно они план исследований знают, ну научный-то отдел. Примерно знают, что тут орнитолог должен сплыть, тут спелеолог, там пещеры посмотреть, еще чего-то. Вот они примерно лодки расписывают, и мы их завозим. Они потом пешком заходят и вниз по течению плывут».

Работники научного отдела в некотором смысле являются носителями сакрального знания, непосредственными служителями культа природы, они чувствуют особую ответственность за соблюдение заповедного режима, а главное, научно трактуют смысл подобной необходимости. «Научно-исследовательская работа в государственных заповедниках проводится путем стационарных комплексных исследований и должна быть направлена на разработку научных основ охраны природы, осуществления контроля за изменением фонового состояния биосферы, на разработку научных основ сохранения и восстановления редких и исчезающих видов растений и животных*» [4, с. 65]. К подобно-го рода комплексным и стационарным исследованиям можно отнести ведение «Летописи природы». В этом документе фиксируются все мероприятия по охране и изучению природы в заповеднике. Именно научный отдел отвечает за составление этого ежегодного отчетного документа. Работники научного отдела контролируют действия инспекторов в заповеднике, с точки зрения их минимального влияния на окружающие природные условия: «Ну, в заповеднике у нас написано, имеешь право на территории заповедника поймать для пропитания [рыбу — Т.С.]. У нас на этом ограничивается, то есть мы не имеем право, де-юре, вынести хоть сколько, да, килограмма. У нас рядом образовался N-ский заповедник, у них, уже говорят, в положении записано, что можно поймать, да? У нас сразу начинается, нас гоняет наука [сотрудники научного отдела — Т.С.], из-за этого как бы они всегда возмущаются».

Сейчас распространена практика проведения исследований по личным грантам, этот дополнительный источник финансирования доступен, соответственно, только работникам научного отдела. Все совместные исследовательские программы с иностранными коллегами также курируются научным отделом.

Отдел охраны

Несколько лет назад на федеральном уровне была проведена реорганизация охраны заповедников: если раньше эта служба была приравнена к Государственной лесной службе и пользовалась всеми ее правами, то теперь это отдельное подразделение, переименованное в Государственную инспекцию. На местах существенных изменений не произошло: «Структура охраны такая: директор, потом, замдиректора по охране, потом, значит, старший [инспектор — Т.С.], ну лесничий по-старому лесничий. Потом в каждом лесничестве по два участковых [инспектора — Т.С.], по-старому — помощник лесничего, и семь инспекторов ...»

* Здесь мы можем наблюдать двойственное отношение к природе: с одной стороны, для чистоты проводимых экспериментальных наблюдений нельзя вмешиваться в ход естественных процессов, с другой — декларируется, что цель всех этих мероприятий — разработка научных методов управления природой ради нее самой. Впрочем, это спорный вопрос, и здесь мы подробно его касаться не будем.

В ведении каждого инспектора находится обход, это участок территории заповедника с зимовьями, за состоянием которого он следит, несет ответственность за являющийся собственностью заповедника инвентарь, приписанный к этим зимовьям. Некоторые заповедники настолько велики, что под ответственностью одного человека находятся огромные территории, в таких случаях внимание уделяется прежде всего окраинным участкам. И если в свой небольшой обход инспектор может навещать достаточно часто и в одиночку, то в заповедниках-гигантах по преимуществу патрулируют территорию группами. Подобный выезд инспекторской группы в отдаленные районы заповедника сроком минимум на пять дней называется рейдом. Согласно штатному расписанию, он оформляется как командировка, соответственно, выплачиваются суточные (весьма небольшие). В рейд инспекторы отправляются как пешком, так и на лошадях, в зависимости от расстояний. Некоторые заповедники сталкиваются с сезонными наплывами браконьеров, например рыбаков весной, в таких случаях на определенном участке (на «рыбных местах») инспектора несут посменную службу (смена может длиться несколько дней) в течение всего сезона. В особо проблемных заповедниках, например располагающихся в приграничной степной зоне, рейды проходят на машинах (случаются стихийные гонки-преследования), а инспекторы вооружены автоматами Калашникова. Все операции по задержанию нарушителей заповедного режима строго регламентированы, существует процедура задержания, состоящая из составления протокола, оценки нанесенного ущерба и соответственных мер взыскания. Нормативными актами установлено, какие случаи инспектор может рассматривать непосредственно на месте, а при каких обстоятельствах необходимо доставить нарушителя в контору, где уже директор рассматривает дело. Сложности подобных процедур очевидны: *«Например, вы идете в заповедник, задерживаете физическое лицо, гражданина, он ловит рыбу. В соответствии с этим законодательством [закон об ОПТ — Т.С.], вы не имеете права наложить на него штраф в размере более 20 минимальных окладов. То есть задерживаете гражданина, составляете протокол. Госинспектор не имеет права накладывать административное взыскание, то есть он просто заполняет протокол и передает дело главному инспектору, соответственно, он выносит постановление, в этом постановлении он принимает решение, сколько, какому размеру штрафа подвергать этого гражданина. Есть рамка от 1 до 20 [МРОТ — Т.С.], в зависимости от нарушения он это делает. Это не просто штраф, это штрафная санкция по отношению к самому правонарушению. И в зависимости от степени правонарушения, если он просто зашел с удочкой на территорию заповедника, понятно, не имеет смысла, и он платит минималку, просто для него одной минималки достаточно. Если человек зашел с удочкой и наловил 500 хариусов этой удочкой, соответственно на него накладывать штраф, тут можно 20 [МРОТ — Т.С.], да. Но опять же верхняя граница 20, есть верхняя граница. Далее, идет отдельно в сумме материального иска, который идет этому лицу, может, складываться из двух позиций. Первая — это сумма штрафа, вторая обусловлена стоимостью ущерба...»*

Так как многие нарушения являются типичными для данного заповедника, инспекторы четко знают все процедуры, так что можно сказать, что в их работе много рутинных практик, часто доведенных до автоматизма. Например, проце-

дура заполнения бланка протокола. В 2002 г. в очередной раз были внесены изменения в закон об административной ответственности, что повлекло за собой и изменение процедуры заполнения протокола об административном правонарушении, это обстоятельство очень болезненно переживалось практически всеми интервьюируемыми. Все выше перечисленные процедуры и нормативы практически никогда не выполняются полностью, что вполне естественно, поскольку оформление отчетных бумаг и оценка нанесенного ущерба — это бюрократические процедуры, подразумевающие наличие бюро. Должен быть стол, доска с информацией об этапах всех процедур, должно быть доступно ответственное лицо, рассматривающее жалобы «нарушителя», в конце концов, должны быть незаинтересованные свидетели, а таковых не может быть на территории заповедника по определению. В подобных условиях действия предельно формализуются, теряют свой смысл, и в конечном итоге задержание превращается в фарс, не имеющий серьезных последствий. В этой ситуации инспекторы действуют по-разному: кто-то вносит свои, дополнительные смыслы в происходящее, придумывая для себя особую миссию; кто-то принимает все «как есть» и переключает свое внимание на другие занятия, например, включается в работу других отделов; а кто-то пытается усовершенствовать процедуру и все-таки приспособить ее к данным условиям. Речь здесь идет о различных стратегиях выстраивания профессионального мира, т. е. образа себя, представления о сфере своей ответственности и компетенции в рамках своей профессии.

Каждый инспектор, выходя в рейд или просто в свой обход, обязан быть в специальной инспекторской форме (приближена к военному камуфляжу), иметь при себе удостоверение госинспектора заповедника, бланки протоколов и служебное оружие (которое имеет право применять в случаях самообороны и группового неподчинения). Дополнительно инспектор должен всегда иметь при себе дневник лесника, куда он заносит информацию обо всем, что делает сам и что наблюдает на территории заповедника. Далее эта информация сдается в научный отдел, обрабатывается и идет в «Летопись природы». Хорошее ведение дневника поощряется, плохое — наказывается (могут лишить премии). Иногда инспекторы дополнительно берут на себя задачу по учету численности какого-либо животного или птицы, за это «немного приплачивают», для одних это становится просто хобби, для других — способом поднять свой статус. Участие в мероприятиях подобного рода учитывается на аттестационных комиссиях (присваивающих разряд), которые проходят раз в несколько лет, здесь открываются перспективы для карьерного роста и дополнительного заработка. Во время подобных комиссий проводится проверка прежде всего теоретических знаний работников, их знакомства с инструкциями и методическими материалами*. Практические навыки оцениваются во время специальных проверок: *«Два года назад, наш директор, у него рутинная такая работа, административная, то есть бензин, солярка, там деньги надо. Администратор, ну чистой воды. Тут он влез, по всему периметру, по всем там, знаешь, загрузился. И через весь заповедник змейкой. То есть на всех зимовьях практически побывал. И такого! А пред-*

* Председателем комиссии обычно является заместитель директора по науке, что само по себе показательно.

ставляешь, свежий взгляд, а тем более директора. Там не то, тут не то, бац, все в письменной форме, всем сроки на устранение. Мы тут, конечно, пошуршали, все устроили. Сейчас новый директор грозился, вот я уезжал, он тоже хотел пробежаться по всему, проконтролировать, как чего».

Отдел эколого-просветительского образования

Данная структура практически во всех заповедниках весьма слаба, чаще всего в этом отделе небольшой штат. Цели этого отдела не очень понятны: здесь могут выпускать газеты, проводить мероприятия со школьниками, например, «Марш парков», подготавливать различные методические материалы по экологическому просвещению. Порой этот отдел берет на себя функции связи с общественностью, распространение брошюр и календарей, продажу сувениров с логотипами заповедника. В интервью инспекторы часто не скрывали своего пренебрежительного отношения к коллегам из данного отдела:

«В: А работа с местным населением у вас ведется, и если ведется, то как?

О: У нас есть методист, конечно. Но знаешь, конечно, неохота так говорить плохо о своем заповеднике, но от этого никуда не убежишь, просто деревенный. То есть со школой, да, ходит, детишкам говорит чего-то...

В: У вас есть отдел, который туризмом занимается?

О: У нас методист по экпросвещению есть, и все, то есть нету таких вот этих, массовых. То есть непосредственную работу с населением ведет инспекция (смех)».

Но есть и исключения — в некоторых заповедниках, наоборот, отдел экологического образования пользуется уважением, так как именно его сотрудники волей-неволей занимаются освоением таких высоких технологий, как Интернет, что открывает широкие перспективы для заповедника. Хотя эта тенденция пока не ярко выражена: *«Да, и еще структура у нас есть, недавно сформированная, этот отдел экологического образования. Это везде, ну как бы со школьниками работают. Сейчас везде, такое это самое. Там мало, начальник отдела и два работника, как бы методист и там экскурсовод. Сейчас начальник этого отдела, у нас директор помер, стал сейчас вот пока исполняющим обязанности, он будет директор. <...> Он с компьютером на ты, у него электронная почта, все тут это. Он календари, все издания, эта вот работа».*

Иногда работники отдела участвуют в организации экотуризма на территории заповедника, но так как на подобную деятельность наложено серьезное законодательное ограничение, широкого распространения туризм на территории даже охранных зон заповедника не получил.

Мобильность и карьера: новый тотемизм

В рамках идеологии научной охраны природы служение культу «дикой природы» происходит посредством глубокого и всестороннего изучения какого-либо объекта этой природы. Специализация и систематичность являются важнейшими мотивами естественно-научного дискурса. Соответственно, тот, кто собрал наиболее систематичное и специфичное знание об объекте, кто выдержал требования процедуры и провел наиболее «чистое» с позиции науки наблюдение, тот ближе к объекту поклонения и служения, а значит, и его собственный статус выше. Простого любования природой недостаточно, необхо-

димо деятельное изучение и демонстрация накопленного знания, — на этом правиле зиждется карьерное строительство в научно-экологической сфере. Работники научного отдела заповедника обычно обладают всеми необходимыми ресурсами для подобной стратегии.

Инспекторы изначально формально отлучены от этой сферы реализации. В их прямые обязанности не входит проведение ритуальных замеров урожайности черники на пробных площадях, учета численности косули и медведя по остаткам жизнедеятельности и сбора гербария. Инициатива по включению инспектора в сферу этих занятий может исходить как от него самого, так и от научного отдела, нуждающегося в помощи. Как следствие, инспектор входит в круг приближенных к «служителям культа», и его статус в коллективе повышается.

«В: А вот ты взял учетность, с чем это связано?»

О: Ну как бы материально поощряется, то есть пришел на аттестацию, говорят: Ты хороший парень, хорошо работаешь, вот если бы ты еще чего-нибудь делал, то мы, значит, как бы тебе там материально, добавили бы разряд, допустим. Грубо говоря так. Ну а во-вторых, это интересно, ну это не так много времени, то есть у меня на эти учеты уходит, ну 15 дней я трачу, это полевые».

Иногда параллельно с работой в отделе охраны инспекторы получают высшее образование, чаще всего по специальностям, представленным в научном отделе. Часто отдел охраны является перевалочным пунктом для молодых специалистов: с приобретением опыта и репутации они переходят в научный отдел.

Выбор, какому именно объекту, какому виду животного или птицы посвящать себя, делается иногда достаточно осознанно, иногда под действием обстоятельств, но впоследствии всегда осмысливается как неслучайный. В процессе интервьюирования автор зафиксировала особую связь, которая устанавливается между ученым или инспектором и тем существом дикой природы, которое тот изучает. Существует даже некоторая корреляция между образом этого животного и картиной мира, представлениями о собственной профессии и о своей роли в заповеднике. Можно сказать, что выбор животного-тотема является приемом самопрезентации и важнейшим элементом профессионального жизненного мира.

В ходе интерпретации были выявлены три основных типа стратегий, которых придерживаются инспекторы, выстраивая свой «профессиональный мир». Для краткости обозначим их как образы «хозяина», «охотника» и «активиста»*. Стратегии «хозяин», например, соответствуют такие животные, как бобр и выдра; «охотники» предпочитают хищников — соболя, ястреба, рысь; «экологические активисты» выбирают легендарные, особо редкие виды, такие, как снежный барс или красный волк. В служение культу входит знакомство с повадками и особенностями данного вида, наблюдение его в природе и чтение специальной литературы, проведение процедур учета данного вида на территории заповедника и пр. Интересно, что отношение к тотему имеет скорее личную и эмоциональную окраску; ради него человек может пройти десятки километров, пересекая порожистые реки и топкие мари; способен часами о

* В полевых материалах фигурировало 13 таких персонажей. Подробное описание типов стратегий автор планирует представить в одной из последующих статей.

нем рассказывать. Иногда может показаться, что человек в какой-то степени идентифицирует себя со своим тотемом, подчеркивая качества животного: домотовость, зоркость или величественность. Подобный «новый тотемизм» играет немалую роль в профессиональной карьере инспектора — инспектор без тотема, не интересующийся каким-либо животным, признается апатичным, ленивым, скорее всего у него мало шансов на продвижение по службе.

Таежный народ. Сфера профессиональной ответственности инспектора

Далее представлены три основных типа стратегий построения жизненного мира своей профессии. Нужно сразу оговориться, что анализировались интервью и материалы, относящиеся к так называемым деятельным инспекторам*, активно выстраивающим свою стратегию; подобная выборка заранее ограничивает возможную степень генерализации, поэтому автор не стремится формулировать жесткие обобщения. Множество интереснейших вариантов и типов поведения остались за бортом данного исследования, но стремление полностью отразить социальную реальность в подобном тексте кажется автору утопичным.

Три основных типа для наглядности и более гармоничного описания будут представлены на примере наиболее ярких их представителей. Естественно, что все типы являются конструкцией, реально не представленной в чистом виде, все герои так или иначе проявляют себя в качестве хозяина, охотника или активиста одновременно. Для сохранения анонимности своих героев, пользуясь традицией североамериканских индейцев давать людям имена, соответствующие качествам характера человека, автор назвала своих героев сама. Эти имена отчасти отражают феномен, описанный выше и именуемый «новый тотемизм»: Бобровый Зуб (тип хозяин), Ястребиный Глаз и Соболиный След (тип охотник), Снежный Барс (тип активист).

Бобровый Зуб

Поступил на работу в заповедник сразу после прохождения срочной службы в армии, тогда ему было около 20 лет (начало карьеры относится приблизительно к 1990–1991 г.), с этого момента работал лесничим (прежнее название должности инспектора) в Л-ском заповеднике, контора которого располагается в родном поселке Бобрового Зуба**. У него собственный дом недалеко от конторы, есть земля, на которой выращивается картофель. Бобровый Зуб неплохой охотник и рыбак, кроме этого столярничает. Прослыл хорошим мастером и все лето прошлого года провел на строительстве новой конторы для заповедника, жаловался, что практически не был в лесу. Не женат, но обручен, свадьба назначена на конец лета этого года. Невеста также работает в заповеднике лаборанткой в научном отделе. Бобровый Зуб учился на заочном отделении педагогического института (в областном центре), закончил факультет географии.

* Поселок расположен на севере страны, на расстоянии примерно 255 км от областного центра, в стороне от главных и сквозных магистралей, в нем проживает 4 тыс. человек.

** Напомню, что полевая часть исследования проводилась во время семинара, участниками которого стали самые активные и перспективные работники, т. к. они фактически были делегированы своими заповедниками и выступали в качестве своеобразных их представителей.

Писал диплом о народных промыслах и охоте, практиковавшихся на территории заповедника до его создания. Ходил по местным деревням, разговаривал с «дедушками», очень почтительно отзывается о старожилах. Сейчас у Бобрового Зуба одиннадцатый разряд: *«Разряды у нас как бы жмут, да уж положено, пришел человек, вот ему дадут 6-й разряд. Без образования в смысле. У нас свои все кончали ПТУ, наши в поселке. Все шофера. Все трактористы. Приходят, всем дают 6-й разряд. Год проработал, могут 7-й дать. 8-ого надо уже, знаешь, попынтеть, там чего-то показать. То есть с этим проблемы, да. То есть у нас как положено по этой инструкции, таку нас и есть. Аттестация, мечта у некоторых. Все боятся».*

С осени Бобрового Зуба обещали повысить до должности участкового лесничего. Кроме того, его зовут в отдел экологического просвещения с перспективой стать заведующим, но Бобровый Зуб не торопится, предпочитает оставаться в отделе охраны. Параллельно с основной работой занимается учетом некоторых животных, как и ко всем своим обязанностям, относится к этому серьезно и обстоятельно: *«А хожу вот в марте, ну в апреле. Я хожу вот выдру учитываю и бобра. То есть речка, 30 километров, которая у нас, и вот сквозь, через нее идешь там, ну погоду надо всегда подкараулить <...> речка очень тяжелая, она порожистая, там пещеры выступают, там проталины. Километры по берегу плетешься, по бугорам этим. По льду не пойдешь, так плохо, провалишься, всю дорогу, ну опасно не опасно — там мелко, но неприятно, вода все время выступает. Экстремальная такая речка, тяжело. И вот следы выдры, примерно считаешь, примерно прикидываешь, ну она такая, зверь территориальная, тут живет — здесь следы. Потом опять нет, значит, пустое расстояние. Вот ну бобр, понятно, он живет в норах у нас, не в хатках, как вот все классические, а в норах, и его сразу видно, вот тут один бобер живет, — десять березок свалено, а там, наверно, не один живет, потому что их порядочно навалено. Ну вот это вот в марте. Потом сейчас вот в сентябре надо будет сходиться посчитать, они с осени заготавливают на первую половину зимы березу, да, ну корм, у нас в основном береза. И посчитать, сколько они заготовили, примерно, посмотреть, записать. Это же вся запись идет в летопись природы, раньше этим занимался мужик, но в связи с тем, что он много стал заниматься глухарем, в связи с норвежцами*, у него не хватало времени, я как бы вот. Он старший, он мне примерно дает сроки, то есть мы в паре. То есть он ответственный, а я исполнитель, вот так и записано, кто ведет этих зверей. Да, я скажу, примерно напишу, мы это с ним там все оформим — он напишет».*

Бобровый Зуб во всем приветствует экономию и порядок, можно сказать, что он по-хозяйски относится ко всему, что расположено на территории заповедника, не в том смысле, что считает это своей собственностью, просто в его словах чувствуется постоянная личная ответственность за то, чтобы все шло правильно, гладко, без сбоев и в хозяйстве была прибыль. Даже проект сотрудничества с норвежцами Бобровый Зуб оценивает прежде всего с позиций прибыли и накопления: *«Для того, чтобы у нас работать, там в таких местах, зимовья такие*

* Заповедник сотрудничает с норвежскими учеными, которые приезжают изучать глухарей. Коллега Бобрового Зуба зоолог, работает в научном отделе.

небольшие были, давно построенные. Мы в одном месте вообще построили большое зимовье на ихние деньги, так основательно все, капитально, и в другом месте. Там была избушка, но небольшая — построили тоже хорошую избу. [А какая польза заповеднику от этих норвежцев, кроме зимовья?] Нет, данные, научные данные. Это, представляешь, сколько сразу материала фактического прибывает. И сотрудничество. Это выгодно, нам выгодно».

В своем обходе (32 км²) Бобровый Зуб отвечает за вверенное ему имущество и состояние зимовий, которых у него два. *«Я в своем обходе отвечаю за состояние этого зимовья, чтоб там дрова были, ну то есть, я приду, хозяйским взглядом окину, вот — дрова, крыша прохудилась, надо залатать, да, дровяник вот покосился, ну чего-то, дровяник построить. <...> Я это должен контролировать: чтобы солярка была, фитиля в керосиновых лампах, такие вот лыжи, вилки, — это все на мне числится. <...> Вот буквально в июне мы ходили, на мою избушку упало дерево два года назад, да, немножко, но некогда было, подлатали. А сейчас собрались основательно, зашли четвером, затащили туда 2 куска рубероида на себе — 5 километров тащили. Залатали избу, еще там чего-то, ремонт какой-то сделали. Хлам подобрали, подрост подрубили, знаешь, зарастает это все вокруг избу. Это значит обход».*

Вообще, отношения Бобрового Зуба к территории заповедника во многом схоже с отношением сторожа к складированному имуществу, которое тот охраняет: во всем должна быть постоянная отчетность и порядок. Его работа похожа на нескончаемую серию инвентаризаций, отношение к своему тотему в данном случае очень показательно.

При этом постоянно наблюдается оппозиция между глухим и оживленным местом работы. Бобровый Зуб рассказывает о своих коллеггах, инспекторах: *«А в Голубинском лесничестве там вот два человека живут в поселке Голубино, там как бы, ну все равно что база, центр. Все дороги ведут в заповедник, река, лагерь, ну научное, то есть жилье для научных работников. Ну кто приезжает — баня. То есть там такое место, там заказник. Такое оживленное место, очень оживленное».*

Свое же собственное место работы он характеризует как «глухое»: *«А вот где мой обход, там такая глухомань! Что там даже у меня одно зимовье называется "Глухое". Представляешь, ну стоит. Ну квартальные просеки, да, пересечение квартальных просек, а избу надо для учетов, ну вообще, чтоб там изба была — построили, а как назвать? Там первый квартал — это самый северный угол заповедника, старый был, как бы до расширения, и вот два названия у этой избу, допустим, или "Первый квартал", или "Глухое"».*

Эта оппозиция важна для информанта не столько как показатель его собственного статуса — работать в глухом месте не значит быть менее уважаемым — здесь важно содержание работы, иные цели и задачи. При более глубоком рассмотрении выясняется, что оживленные места подобны выставочным залам музея, к примеру, здесь есть пещеры, доступные для посещения, красивые виды озер и рек, птицы и животные, доступные наблюдению, и в эти залы под открытым небом допускаются посторонние. Место, где работает сам Бобровый Зуб — скорее запасник этого музея, здесь хранятся не менее ценные сокровища, но они недоступны, «запакованы».

Заповедник-музей работает по принципу бюро, здесь четко разделены обязанности между отделами, налажено сотрудничество. Браконьеры в данном случае рассматриваются как расхитители федеральной собственности, поэтому каждая встреча с ними должна быть запротоколирована и оформлена. Случаев открытого сопротивления со стороны браконьера Бобровый Зуб не упоминает, а вот помехи в процедуре заполнения протокола случаются, что, с точки зрения бюрократического подхода, равносильно сопротивлению.

«Сейчас самый банальный случай то, что врут. То есть поймали одного человека, да. Вот один, он один. Он сказал, его даже проверить никак. То есть он сказал, что он Пупкин. Да? И все, Пупкин и Пупкин, чего с ним сделаешь? Тащить, чтоб выяснить его личность, это в контору его заповедника притащить, да. Это его надо два дня вести через заповедник, то есть экскурсию ему бесплатную сделать. Если, допустим, у него нет провианта, это его надо еще кормить. Спать ложить, ну 30 километров сам тоже не пойдешь без перекуса, без сна. То есть проблем масса».

Бобровый Зуб отмечает, что в его заповеднике приветствуется, когда инспектор в свободное от работы время охотится или рыбачит на соседних территориях: навык охотника очень полезен при охране территории.

Ястребиный Глаз и Соболиный След

Друзья и коллеги, работают инспекторами в паре в заповеднике R, что находится на юго-востоке страны, по одной из границ заповедника проходит БАМ, с других сторон заповедник окружен охотхозяйствами по добыче пушнины. Заповедник новый, ему не более 5 лет, до этого на его территории находился заказник. Соболиный След является молодым специалистом, в заповедник он пришел год назад, Ястребиный Глаз по сравнению с ним старожил. Вместе они представляют достаточно колоритную пару: Ястребиный Глаз впечатляющего роста, широк в плечах, можно сказать, великан, Соболиный След тоже высокий, но более худой. Первый выглядит солидней, да и старше: Ястребиному Глазу 29 лет, Соболиному Следу — 24.

Ястребиный Глаз уже около 10 лет студент педагогического института, расположенного в ближайшем (примерно 300 км) областном центре, там он изучает биологию, сейчас на 3 курсе. Жизненный путь Ястребиного Глаза извилист и не прост. Родился в деревне соседнего района, в детстве страстно интересовался птицами и после окончания школы переехал в город учиться на биолога. Поступил в институт, затем бросил и уехал в отдаленное эвенкийское поселение работать учителем в школе, продержался там около года, вернулся и восстановился в вузе. Но затем снова все бросил и ушел в армию, пройдя срочную службу, служил контрактником. После возвращения устроился работать администратором в самом «злачном» баре в том городе, где учился, после работал в охране частной структуры, в какой-то момент узнал, что в заповеднике R требуются инспектора и есть возможность снова заняться птицами. После поступления на работу вернулся в институт (теперь уже на заочное отделение).

Соболиный След родился в другой области, в большом городе (население насчитывает несколько сот тысяч жителей, крупный областной центр). Был женат, отец маленькой девочки, но сейчас разведен. Закончил институт в том же

городе, что и Ястребиный Глаз по специальности охотовед. Диплом писал об охотхозяйстве, которое расположено по соседству с заповедником. Во время учебы участвовал в деятельности местной общественной экологической организации (молодежной), в рамках этой деятельности побывал в заповеднике R, познакомился с местными инспекторами и директором. Был всерьез обеспокоен положением дел в заповеднике, — явная нехватка квалифицированных кадров была налицо, — и решил устроиться работать инспектором. Сначала его приняли неохотно, так как по образованию охотовед: *«Когда я пришел, говорили: Вот, пусть козла в огород, — так вот, когда я пришел, помню, Ястребиный Глаз что-то хмыкнул неодобрительное, а потом мы с ним вместе соболятников ловили».*

Столь подозрительное отношение к охотоведению объясняется сложными отношениями между заповедником и охотхозяйствами, на территории которых численность соболя значительно ниже, чем в заповеднике. Случаи заходов в заповедник местных охотников не редки, отлов подобных нарушителей — основная задача инспекторов в данном регионе. Эта тема особенно важна для Соболиного Следа, так как он сам соболятник, скоро ему будет отведен собственный охотничий участок на территории одного из охотхозяйств. Соболиный След в курсе ситуации на рынке пушнины, например, его очень волнует, что недавно в Санкт-Петербурге открылся новый пушной аукцион, это ударило по карману непосредственных поставщиков шкур. Соболя для нашего героя не просто источник дохода — это самый удивительный и ценнейший зверек, его исчезновение он переживает как личную драму: *«Ну да, конечно, тяжелое экономическое положение, местами в районах доходит до того, что просто соболя потихоньку начинают исчезать. Ну как, численность все ниже и ниже. Она так незаметно, но если посмотреть данные учета за несколько лет, численность потихоньку падает. Иногда бывает, когда годы урожая, численность чуть-чуть подымается, потом она еще больше [падает]. Идет перелом соболя просто в некоторых местах в нашем хозяйстве».*

Все свое свободное время Ястребиный Глаз посвящает хищным птицам, занимается их учетом и подробным изучением. Открыл новый вид, нетипичный для данной местности, также интересуется соколиной охотой и разведением хищников в неволе. Мечтает построить питомник для птиц. Этим летом взял из гнезда молодую самку ястреба-тетеревятника, на наших глазах происходила ее дрессировка. Это уже не первая птица Ястребиного Глаза; в заповеднике она выполняет особую роль: отлов мелких и среднего размера птиц для кольцевания и учета. Увлечение птицами у Ястребиного Глаза с детства, помнит, что на целые дни уходил один в лес за птицами, иногда терялся, и тогда его искала вся деревня. Увлечение обоих инспекторов своими тотемами иногда доходит до одержимости:

«Когда мы с Соболиным Следом по лесу идем, он только на следы и смотрит, если ветка будет на уровне глаз, то он [поранится], а я — если ветка будет на уровне паха, потому что все время в небо смотрю, (смех) Средняя часть леса у нас белая зона».

Территория заповедника для них — это уголья, полные соболей и ястребов, которые не должны оскудеть, обилие живности — самая большая ценность для охотника. Эти уголья вверены им под их ответственность и их нужно защи-

щать от конкурентов и браконьеров. Это вовсе не значит, что наши герои сами охотятся на внутренних территориях, хотя их в этом и подозревает все местное население. Наши герои подобных обвинений не принимают, всячески дистанцируются от местных инспекторов, по их словам, действительно практикующих подобное занятие. Постоянные конфликты выступают в данном случае гарантией чистой совести, а значит, и прав на данную территорию, и поэтому особое удовольствие им доставляет проявление враждебных чувств со стороны местных: *«Выходишь на поляну, порядочно от границы заповедника, а там следы и на снегу палочкой написано: "Егеря, козлы!" — с ошибкой причем, "игеря", смотрю и радуюсь, по несколько раз перечитываю эти надписи на снегу».*

Поскольку поселок и деревня, находящиеся недалеко от заповедника, достаточно небольшие и все друг друга знают, проблемы решаются исключительно на личном уровне. Например, после того как одного охотника, участок которого находился в ведении охотхозяйства, поймали на территории заповедника, конфликт разрешался так: *«Потом, конечно, у меня был разговор с охотведом* старшим. Ну его знаю, брат моего однокурсника, то есть мы с ним поговорили, все. Парень, ну просто никаких. Они, конечно, да. Как уже стал задним планом, не стал он протокол составлять, просто участок отошёл**, все. Было первое и последнее китайское предупреждение с действием, с вытекающими оттуда последствиями».*

Поскольку подобные неформальные отношения пронизывают все организации, можно сказать, что заповедник в данном случае предстает в виде сети, включенной в более широкую сеть межличностных отношений, это упрощает, как в предыдущем случае, но и затрудняет работу. Вот другой пример исхода подобного конфликта: *«Я не знаю, как дальше чего было, у нас там в F-ске все друг друга знают, как большая просто деревня. Все друг друга покрывают, где-то кому-то что-то подмазывают».*

Методы борьбы представлены не только переговорами. Непосредственно на месте все это скорее напоминает охоту: браконьеров тропят (выслеживают по следу), им устраивают засады, добыча делится на крупную и мелкую. Незначительные нарушения могут быть прощены, как отпущена мелкая дичь из силков, но крупный трофей Ястребиный Глаз и Соболиный След уж постараются не упустить.

Особой болью для наших героев являются пожары, причиной которых чаще всего становится не молния, а халатность местных «товарищей»; в данном регионе распространена практика хозяйственных палов, по весне поджигается прошлогодняя трава, далее огонь чаще всего становится неуправляем, из-за этого ежегодно выгорает значительная часть заповедника. Палы пускаются как на сенокосах, так и вдоль линии железной дороги, таким образом охраняемая территория подвергается опасности со всех сторон. В такие напряженные дни заповедник, можно сказать, находится на военном положении.

Работе в паре в данных условиях придается особое значение. Вообще проблема своих и чужих стоит в данном случае достаточно остро. Однажды Яст-

* По сути, начальник охотхозяйства, который принимает решения об отведении кому-либо охотничьего участка.

** Нарушитель лишился своего охотничьего участка.

ребиный Глаз заметил, что никогда не смог бы долго жить в городе, а вот в заповеднике ему очень нравится, так как там, если встречаешь человека, то точно знаешь, что это либо друг, либо враг, и третьего не дано.

Снежный Барс

Снежный Барс родился в одном из крупнейших городов Сибири, получил прекрасное образование биолога, материалы для диплома собирал в одном из старейших заповедников страны, тема касалась определенного вида горных баранов, редкого и почти вымирающего. Но несмотря на широкие перспективы, научной карьере Снежный Барс предпочел общественную деятельность. Он устроился работать инспектором в заповедник S, а благодаря своим связям в общественном экологическом движении и должности инспектора получил доступ на территорию и других крупных заповедников. С этого момента он начал серию рейдов по заповедникам страны, причем целью его были не обычные браконьеры, а «особо опасные»: крупные чиновники, использующие свое должностное положение для охоты в заповедниках; инспектора заповедников, промышленяющие на территориях собственных заповедников в особо крупных размерах и сотрудничающие с чиновниками. Благодаря своей деятельности он снискал славу борца за «экологическую правду», сейчас Снежный Барс возглавляет крупное общественное объединение экологического направления и по совместительству занимает достаточно высокую должность в заповеднике S. Часто ездит в командировки в Северную Америку и страны Европы, получает грантовую поддержку.

В качестве своего тотема он выбрал снежного барса, животное величественное, загадочное, практически исчезающее с лица земли. В диких условиях Снежному Барсу видеть свой тотем не приходилось, хотя он и участвовал в нескольких сложнейших экспедициях ради этой цели. Снежный Барс не раз говорил о своих пока несбыточных планах создать мегазаповедник специально ради сохранения снежного барса по всему ареалу его обитания, покрывающему территории нескольких государств. Истребление барса он считает преступлением, убийство этого животного, по его мнению, подпадает под действие уголовного кодекса и должно быть приравнено к убийству человека.

Таким образом, территория заповедника выступает прежде всего как место, позволяющее заявить свою позицию, это своеобразная трибуна, с которой вещает наш герой. Его аудитория — это все те, кто причастен к заповедной системе, это его партия, и борьба с внешними и внутренними врагами этой партии — прямая обязанность и, в каком-то смысле, миссия Снежного Барса.

Особой ценностью выступает верность партии, знание ее традиций и правил, следование канону поведения. Здесь активно используется эколого-просветительская риторика, подкрепленная владением естественнонаучным и правовым знанием. Отступление от «закона совести» позволительно лишь ради высших целей партии либо при борьбе с врагами:

«Нет, ну я могу сказать, что из моего оружия, которым я уже владею 5 лет, значит, ни один гусь, ни один заяц не был грохнут. Зато была куча выстрелов по бандам и в сторону браконьеров, собственно для этого оно и приобреталось. Вообще оно идет как охотничье оружие, то есть, это как раз тот самый случай, когда приобретается формально для одного, а используется для другого».

От инспекторов снежный барс требует особо ортодоксального поведения, так как это костяк, ядро его партии. Именно таковы аргументы, морально оправдывающие чистки рядов, в которых непосредственно участвовал сам Снежный Барс. Поскольку себя наш герой мыслит непосредственным лидером этой своеобразной партии, в его обязанности входит мыслить масштабно и стратегически, поэтому уровень местных проблем заповедников его интересует мало, федеральный уровень — вот сфера ответственности Снежного Барса. Здесь я позволю себе привести достаточно большие отрывки из его речей, наглядно иллюстрирующие подход моего героя:

«В принципе сейчас, если смотреть на то, что касается заповедной системы в последние годы, 2 года, идет резкое сокращение федерального финансирования, чем на самом деле заповедники толкают, ну, это мой взгляд. То есть, есть национальные парки, есть заповедники. Значит сейчас у нас заповедники, как вы помните, заповедники — это самый высший уровень территориальной охраны природы. Вообще, которая существует в м.мире. Россия обладает самой лучшей системой территориальной охраны природы. Хваленая система национальных парков США, она рядом не стоит, по самой идее, по исполнению — понятно, что вот у нас существует заповедная система и система национальных парков. Национальные парки помимо природоохранной деятельности осуществляют еще рекреационную, проведение туристических мероприятий на территории. И соответственно сейчас — снижение финансирования заповедной системы, заповедники толкают на самостоятельный выбор пути, начало торговли своей территорией. Начало торговли своими собственными ресурсами <...> В данном случае проблема должна решаться только на центральном уровне, надо выбрать тактику. Один вариант — это бороться с законодателями. Это первое, но скорее всего законодателем никто у нас не будет, потому что мы все вокруг него не сядем и не будем диктовать. Есть второй вариант, просто посмотреть как бы в корень проблемы и не дать заповедникам скатиться на этот уровень, на уровень торговли собой. Каким образом мы это делаем? На основании законодательства любой заповедник является некоммерческой организацией, имеет право получать благотворительную поддержку, вернее, получать средства к существованию либо от государства, либо от проведения каких-то минимальных коммерческих акций, например торговлей сувенирами и так далее, а также имеет право получать материальные средства от благотворительных организаций. В принципе, один из вариантов — это просто найти источник финансирования. То есть на сегодняшний день бюджет всех заповедников России — это 5,5 миллионов долларов...»

Речи партийных лидеров порой говорят больше, чем того бы хотел сам лидер. Думаю, что это тот самый случай, так что автор воздержится от комментариев и позволит читателю самостоятельно разбираться в этой риторике и поупражняться в искусстве чтения между строк.

Заключение. Стратегии конструирования профессии

В ходе описания типов сложилась некоторая структура, и стало ясно, что представленные описания относятся к сфере выстраивания своего жизненного мира, то есть некоторого контекста, в рамках которого затем разворачиваются

стратегии поведения. Здесь прекрасно видно, какую важную роль играет опыт и культурная компетенция. Основные категории, задействованные в конструировании основы для соответствующего стратегического поведения, приведены в таблице.

стратегии	категории				
	территория	заповедник	ценность	другие	мероприятия
<i>хозяин</i>	музей	бюро	порядок	расхитители	инвентаризация
<i>охотник</i>	угодя	сеть	обилие	конкуренты	борьба
<i>активист</i>	трибуна	партия	верность	враги	чистка

В заключение можно сказать, что экология в качестве профессии предоставляет особенные возможности для выстраивания своего жизненного мира. Деятельность заповедника связана с активным конструированием природы, то есть созданием ее образа, и структурированием пространства и времени. Хозяйственное и техническое невмешательство в естественные процессы, протекающие на законсервированной территории, компенсируется активной концептуализацией и мистификацией охраняемого объекта. Инспектора заповедника как служители культа на местах включены в этот процесс мистического овладения, а по сути своей, социального конструирования* природы. В современном обществе подобные «культы», то есть институализированные концептуализации, организованны и носят бюрократический характер. Несмотря на это, экологические профессии не приобретают строго бюрократический смысл, но скорее становятся своеобразными стилями жизни. Профессия «инспектор заповедника» предоставляет доступ к культу природы, а следовательно, и карьерному росту по правилам «нового тотемизма» как неформального профессионального кодекса. Большая же часть бюрократических функций инспектора низводится на практике до незначительных формальностей.

Литература

1. Douglas R.W. A Little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkeley: University of California Press, 1999.
2. Billerbeck U. Dreckarbeit und Männerstolz: Müllmänner im Kampf um Anerkennung. Westfälische Dampfboot: Münster, 1998.
3. Goffman E. Interaktionsrituale: Über Verhalten in direkter Kommunikation. F.a.M.: Suhrkamp, 1999.
4. Дежкин В.В. В мире заповедной природы. М.: Сов. Россия, 1989.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медум, 1995.

* В том смысле, который этому термину придавали П. Бергер и Т. Лукман [5].